

Отзыв

о диссертации **Андрея Сергеевича Сараева** на тему: «**Научное наследие Л.Н. Гумилева и его оценки в трудах отечественных исследователей**», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – историография, источниковедение, методы исторического исследования.

При изучении отечественной историографии XX столетия невозможно обойти вниманием такую неоднозначную фигуру, как Лев Николаевич Гумилев. Как бы ни оценивали его научное наследие представители конкретных исторических направлений, масштаб влияния Л.Н. Гумилева на труды и умы современников очевиден и неоспорим.

Рассматриваемое диссертационное исследование далеко не первое и вряд ли последнее из посвященных Л.Н. Гумилеву. При этом оппонируемая работа первая в большом ряду основывается не только на опубликованных ранее материалах, но и на личном архиве Л.Н. Гумилева. Данный факт придает дополнительную актуальность представленному на защиту исследованию.

Перед диссертантом предсказуемо возникла сложность в нахождении баланса: как сделать так, чтобы биография не затмила анализ трудов ученого или, наоборот, не выглядела необязательным к их изучению приложением. Думается, в отношении Л.Н. Гумилева исследователю успешно удалось преодолеть эти сложности. Концентрируясь на узловых и наиболее дискуссионных проблемах, автор диссертации в ряде случаев именно в биографии ученого и в архивных данных находит ответы на вопросы о путях возникновения концепций Л.Н. Гумилева, включая и знаменитую «пассионарность». В заслугу автору также можно поставить реконструкцию первоначального замысла так называемой «степной трилогии», которая вылилась в большее число книг и публиковалась на протяжении нескольких десятилетий. В этом случае диссертант привлек еще один источник –

материалы переписки, пусть и в значительной степени, но далеко не полностью опубликованной.

Еще одним важным источником стали материалы личной библиотеки Л.Н. Гумилева: дарственные надписи, маргиналии, вложенные в книги записки и даже целые письма. По ним или по нахождению самих книг в библиотеке Л.Н. Гумилева подчас обнаруживаются неожиданные научные связи. Например, автор указывает на немецкое издание 1960-х гг. известной монографии Б. Шпулера о Золотой Орде с дарственной надписью от автора вовсе не Гумилеву, а А.А. Зимину. Попадание данной книги в библиотеку Гумилева, без сомнения, предполагает тесные контакты его и А.А. Зимины, о чем сколько-нибудь подробных свидетельств среди изданных воспоминаний или переписки не сохранилось. Все эти научные связи диссертант восстанавливает с особой тщательностью.

Диссертация А.С. Сараева строится по проблемно-тематическому принципу. Автор стремится показать Л.Н. Гумилева, в первую очередь, как историка-востоковеда, автора первой на русском языке истории Великой евразийской степи. Обоснованию данного подхода посвящено **Введение**. Подкупает дотошность исследователя, который не поленился подробно изучить труды многих отечественных и зарубежных востоковедов для того, чтобы обнаружить истоки тех или иных устоявшихся штампов о творчестве Л.Н. Гумилева.

Первая глава диссертации (**Наследие Л.Н. Гумилева: истоки идей, оценки и критика**) начинается с параграфа о так называемом «особом» взгляде Л.Н. Гумилева на любые вопросы, которыми он занимался. Автор приходит к выводу, что практически каждое из приписываемых Гумилеву «экстравагантных» мнений вполне вписывается в свою историографическую традицию. В этой связи автор предлагает искать «особость» положения Л.Н. Гумилева в науке в обстоятельствах его биографии и взаимоотношениях с коллегами, начиная с середины 1930-х гг. Эта тема, выпукло обозначенная в первом параграфе, проходит фактически через всю диссертацию. Крайне

интересны наблюдения исследователя о том, что истоком неприятия Гумилева в научном мире стало его многолетнее противостояние с А.Н. Берштамом.

При этом в ряде случаев автор не достаточно детально подходит к анализу приводимой информации, или же полностью перекладывает ее на читателя. Так, например, исследователь уличает В.В. Трепавлова в том, что тот намеренно умалчивал ссылки на Л.Н. Гумилева (С. 50). Отметим, А.С. Сараев в данном случае ссылается только на одну работу исследователя¹. Но при обращении к другим работам этого исследователя, мы видим, что В.В. Трепавлов регулярно ссылался на Л.Н. Гумилева². Требуются разъяснения и к пассажиру В.А. Бердинских о том, что Л.Н. Гумилев наряду с А.А. Зиминым и Ю.М. Лотманом так и не стали академиками. Это явная неточность по отношению к Ю.М. Лотману. Что касается А.А. Зимина, то он умер в возрасте 60 лет. «Возраст» даже для избрания в членкоры, а тем более академики и тогда и сейчас был и является несколько выше. Также не следует приписывать ни Л.Н. Гумилеву, ни В.В. Трепавлову идеи о том, что русские земли находились «в таком же положении части Монгольской империи, как Уйгурия, страна енисейских кыргызов, Румский султанат (часть Анатолии) или Грузия» (С. 143). Безусловно, все перечисленные территории входили в состав Монгольской империи, но благодаря слишком разным формам хозяйствования и политического устройства они не могли быть унифицированы.

По схожей схеме построены два следующих параграфа. По мнению автора, самобытные взгляды на исторический процесс, как в советское, так и в раннее постсоветское время высказывали и другие историки-востоковеды. Обращение последних к построению схем всеобщей истории не в последнюю очередь связано с длившейся с 1920-х гг. и затухшей лишь в 1990-е гг. дискуссии об «азиатском способе производства». Данный термин из работ

¹ Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV в. М., Квадрига, 2010.

² Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2020. С. 68, 91, 663, 664; Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. С. 339.

Маркса будто бы не вписывался в официально принятую схему смены общественно-экономических формаций. Приводя вкратце концепции трех востоковедов и одного этнографа, автор указывает на их аналогично неортодоксальный характер. Тем не менее, эти концепции не становились поводом для уличения их авторов в ненаучности взглядов.

Давно признано, что под маской марксизма или диалектического материализма советские историки работали в рамках самых разных методологических подходов – от позитивизма до структурализма, от микроистории до макросоциологических концепций. При установившемся с 1990-х гг. официальном плюрализме любых подходов в историческом исследовании сохраняющийся до сего времени упрек в адрес Л.Н. Гумилева в неиспользовании источников или в их своеобразном препарировании выглядит, по меньшей мере, анахронично. Ничто не обязывает принимать на веру метод так называемой «исторической критики» по Гумилеву, но в чем с автором следует согласиться, так это в том, что свежий взгляд, от сегодняшнего дня, а не из условных 1970-х гг., на его труды и их методику был бы полезен.

Во второй главе (**Л.Н. Гумилев как историк-востоковед: формирование научных взглядов, ранние работы и дискуссии вокруг них**) автор сосредоточился на содержательных вопросах дискуссий по научным трудам Л.Н. Гумилева по истории кочевых народов. Принципиальный и вряд ли разрешимый вопрос – допустимо ли писать нарратив, не имея квалификации в чтении источников на языке их оригинала? Диссертант отчетливо выступает на стороне Л.Н. Гумилева, но наряду с этим обильно приводит мнения его оппонентов. Стоит подчеркнуть, что всякий раз, когда подобная дискуссия возникает, все ее участники остаются при своих исходных мнениях. Поэтому, думается, перспективнее было бы оценивать нужность или полезность появившейся в результате работы. Рассматривая в данном аспекте труды Л.Н. Гумилева о хуннах,

тюрках и монголах, невозможно отрицать, что свое прочное место в историографии они заняли.

В биографической части второй главы обращает на себя внимание реконструированный автором по различным источникам список ранних неизданных работ Л.Н. Гумилева, готовых на конец 1940-х гг. Можно согласиться с автором, что своевременная публикация этих работ помогла бы сформировать среди коллег Л.Н. Гумилева, несомненно, более положительное его реноме.

Последняя третья глава диссертации (**Проблемы построения общей концепции этнокультурной истории Евразийских степей в работах Л.Н. Гумилева**) наиболее разнообразна по числу поднимаемых вопросов и, в то же время, наименее дискуссионна в своей полемической части. В ней показано, какие идеи Л.Н. Гумилева приняты и органично усвоены в кочевниковедении, этнографии, в изучении культуры народов тюрко-монгольского круга. В нескольких случаях показано, что идеи Л.Н. Гумилева влияли на коллег косвенно, из-за чего его имя в развитии этих идей другими авторами оказалось утерянным. Все же в таких вопросах нельзя не учитывать возможную «конвергенцию» идей, когда несколько авторов работают над смежными темами, или даже одной, и приходят к схожим заключениям.

Выводы диссертации логичны и соответствуют заявленным во Введении цели и задачам. Приложения расширяют ряд тем, поднятых в соответствующих параграфах, указанных в их заголовках, и содержат дополнительный картографический и иллюстративный материал.

К числу видимых недостатков необходимо отнести следующее. Заголовок диссертации, с одной стороны, шире, с другой – уже рассматриваемых в ней проблем. Действительно, во Введении автор ограничивает предметную область работами Л.Н. Гумилева по истории кочевых народов Великой степи и их критикой. В заглавии диссертации эта конкретизация отсутствует, и заявлено просто о «научном наследии Л.Н. Гумилева и его оценках». Однако вопреки введенному самоограничению, в

диссертации разбираются и иные аспекты наследия Гумилева, о чем уже говорилось.

Из этого вытекает второе замечание. Вне поля зрения автора осталась вся полемика по работам Л.Н. Гумилева о взаимоотношениях Древней Руси и кочевников, Москвы и Орды. В незнании указанных вопросов автора упрекнуть нельзя, по названиям и как бы между делом эти работы и их критику он упоминает. В одном месте даже оговаривается, что в силу большого объема и специального характера полемики, он оставляет тему русско-ордынских отношений за рамками диссертации. В этой связи хотелось бы пожелать автору в дальнейшем расширить круг изучаемых вопросов, в первую очередь, за счет многогранной проблемы взаимоотношений русских земель и кочевников Великой степи в наследии Гумилева.

Третье замечание сводится к общему построению работы. Видимо, автор исходил из того, что общее содержание научных трудов Л.Н. Гумилева и так широко известно, чтобы хотя бы кратко пересказывать их содержание. Поэтому он очень подробно разбирает наиболее дискуссионные вопросы, и только по ним излагаются взгляды самого Гумилева и его оппонентов. В результате, возникает несколько фрагментарная картина заявленного в заголовке «наследия Л.Н. Гумилева». Понятно, что объем диссертации за счет подобного расширения разросся бы еще едва ли не вдвое, но какую-то краткую характеристику основного содержания рассматриваемых трудов Л.Н. Гумилева в рамках историографического исследования дать бы стоило.

Также несколько странно выглядит тот факт, что автор регулярно обращается в своем исследовании к архиву и библиотеке Л.Н. Гумилева, но при этом не дает никаких архивных/библиотечных шифров. По-видимому, это связано со спецификой организации работы в музее-квартире Л.Н. Гумилева. Но в таком случае это требовалось отдельно обговорить.

Вместе с тем перечисленные замечания не снижают общего положительного представления о диссертации. А.С. Сараев в полной мере выполнил поставленные задачи и достиг обозначенной цели.

Диссертация имеет законченный характер, отличается неоспоримой научной новизной, теоретической и практической значимостью. Положения и выводы являются свидетельством необходимого уровня теоретико-методологической и практической квалификации соискателя. Имеющиеся публикации и автореферат вполне отражают основное содержание и полученные результаты исследования. Автореферат и диссертация оформлены в полном соответствии с установленными требованиями. Диссертационное исследование **Андрея Сергеевича Сараева «Научное наследие Л.Н. Гумилева и его оценки в трудах отечественных исследователей»** полностью соответствует п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г. № 842 в редакции 26.09.2022, и соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования. Таким образом, **А.С. Сараев** заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра истории русского феодализма
Института российской истории РАН
Беляков Андрей Васильевич

19 апреля 2024 г.

Институт российской истории РАН, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. Телефон: 8 499 126 94 49; факс 8 499 126 39 55. E-mail: belafeb@yandex.ru

